

УДК 316.74:378(091)

Е. В. Батаева

КРИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: прагматизация, формальная рациональность, субстанциальная рациональность, коммуникативное действие.

Критическое движение в социологии было инициировано представителями Франкфуртской школы Ю. Хабермасом, Т. Адорно, М. Хоркхаймером и другими учеными, ведущей темой которых была критика «позднего капитализма». Анализируя проблему утраты современной личностью индивидуальной свободы и своеобразия, проблему репрессивности современного общества, представители критической школы опирались на веберовское различие двух типов рациональности – формальной и субстанциальной. Если формальная рациональность (которую можно иначе назвать технократической, инструментально-операциональной) представляет собой набор эффективных способов достижения определенной цели, то субстанциальная рациональность (которую М. Вебер иначе называл разумом) предполагает общее интеллектуальное развитие человека, его способность целостно и систематически постигать окружающий мир. В одном из центральных тезисов критической школы социологии констатируется факт тотальной распространенности в современном обществе именно формального типа рациональности, который делает человека абсолютно несвободным и всецело зависимым от технического осуществления профессиональных функций.

В концепции коммуникативного действия Ю. Хабермас провел углубленный анализ рационалистической репрессивности современного общества. Как он полагает, современного человека от экзистенциального рабства может спасти лишь переориентация от инструментального целерационального

действия к коммуникативному действию, в котором «действия субъектов координируются не посредством эгоцентрических расчетов на успех, а посредством достижения понимания в процессе общения». Свободная коммуникация, неискаженное общение, спонтанное самовыражение — вот рецепт социального лечения современного капиталистического общества.

Ю. Хабермас полагал, что в капиталистическом обществе абсолютно все сферы социальной активности человека поражены духом инструментализма (в том числе и сфера образования). Однако более тщательный анализ проблемы образовательного инструментализма провел не Ю. Хабермас, а современный французский философ Ж.-Ф. Лиотар в работе «Состояние постмодерна» (1979). Попробуем проанализировать основные моменты концепции Ж.-Ф. Лиотара, что представляется вполне *актуальным* на фоне нерешенности *проблемы* тотальной прагматизации образования в Украине (как и в других современных странах). *Целью* исследования является выделение основных социальных характеристик процесса прагматизации образования; *задачей* — выявление тенденций социальной оптимизации образования в направлении демеркантилизации.

Как полагает Ж.-Ф. Лиотар, еще совсем недавно идеалом для систем образования было воспитание разносторонних личностей, обладающих фундаментальными теоретическими знаниями, сориентированных на совершенствование и развитие базовых характеристик конкретных прикладных наук, воспитанных в системе ценностей свободы, прогресса, справедливости (обладающих, если воспользоваться терминологией М. Вебера, субстанциальным разумом). Что же касается современных систем образования, то нетрудно заметить, что в них возобладали совершенно иной идеал (идеал формальной рациональности). Основным содержанием образовательной практики становится нацеленность не на бескорыстные поиски истины, высшего знания, не на развитие «чистой» науки, но на показатели полезности, эффективности, выгоды, окупаемости, прибыльности получаемого в вузах знания. Одной из

основных задач высшего образования в информационном обществе становится формирование (или конвейерная формовка) специалистов, нацеленных на выполнение определенных операциональных функций, полезных действий, востребованных и окупаемых в социальной системе. «Старый принцип, по которому получение знания неотделимо от формирования разума и даже от самой личности, устаревает и будет выходить из употребления... Такое отношение поставщиков и пользователей знания к самому знанию стремится перенять форму отношения, которое производители и потребители товаров имеют с этими последними, то есть стоимостную форму. Знание производится и будет производиться для того, чтобы быть проданным, оно потребляется и будет потребляться, чтобы обрести стоимость в новом продукте и чтобы быть обменным» [2, с. 12].

Коммерциализация образования, сориентированного на «знание-к-оплате», как полагает Ж.-Ф. Лиотар, стала следствием, «продуктом», эффектом информационализации и компьютеризации современных систем знания. В современном информационном обществе абсолютную ценность приобретает практика операционализации знания, практика перевода любой информации на язык машин, практика выстраивания содержательных блоков в инструментально-потребительском режиме. Соответственно, любая гуманитарная информация, которую невозможно сделать функционально-операционально-прибыльной (информация из области философии, этики, эстетики), становится малоценной, невостребованной, второсортной.

Можно выделить и позитивные моменты подобной трансформации природы современного знания и образования. Так, современная молодежь, сориентированная на приобретение наборов операционально-прикладного знания, способна удовлетворить конкретный социальный спрос на исполнителей определенных профессиональных функций. Нынешняя молодежь обладает «вкусом» к информационно-технической

деятельности и способна качественно ее осуществлять (что, безусловно, очень ценно в ситуации информационализации современного общества). Однако следует отметить и негативные моменты подобной ситуации. У подавляющего большинства современной молодежи отсутствует интерес к не-коммерческим, теоретическим, философским, общегуманитарным дисциплинам, которые по своей природе нерентабельны, далеки от практики, которые требуют усилий «понимания», а не механического «потребления». «Рисковость» подобной ситуации видится в формировании поколений функционеров-роботов, смысл образования полагающих не в духовной самореализации, не в личностном совершенствовании, а в приобретении технически-отлаженных навыков выполнения профессиональных операций. С другой стороны, все это чревато «деморализацией исследователей и преподавателей», наблюдающих подобный кризис теоретического знания, которые начинают сомневаться в ценности чисто гуманитарного, не-инструментального знания, не переводимого на операционально-зрелищный язык компьютерных технологий. Работники системы образования вынуждены принять новую систему ценностей, согласно которой «высшее образование должно поставлять социальной системе компетенции, а не идеалы... Передача знаний не выглядит более как то, что призвано формировать элиту, способную вести нацию к освобождению, но поставляет системе игроков, способных обеспечить надлежащее исполнение роли на практических постах» [2, с. 42].

Попробуем проверить теоретические выводы Ж.-Ф. Лиотара с помощью социологических данных, полученных отечественными учеными. Российский социолог М. В. Лисаускене, изучавшая динамику формирования студенческих поколений советского и постсоветского периодов (с середины 80-х гг. до 2004 г.), пришла к следующему выводу: «Практически исчезает терминальная функция образования, связанная с получением знаний. Молодежь с каждым годом становится

все более прагматичной в стремлении использовать профессиональное образование в качестве способа достижения целей» [3, с. 112]. Как подчеркивает М. В. Лисаускене, постсоветская молодежь особую ценность придает инструментальным функциям высшего образования, позволяющим получить престижную, высокооплачиваемую работу, добиться успеха, построить карьеру, а юношам – избежать службы в армии. М. В. Лисаускене видит причину подобной прагматизации и меркантилизации образования в процессах глобализации, в американизации постсоветского образа жизни. Обращает на себя внимание тот факт, что современные студенты оценивают сквозь призму утилитаристских ценностей не только образование, но и будущую профессиональную деятельность, ожидая от жизни обогащения, успешности, бурного карьерного роста: «в «письмах из будущего» молодые люди расставляют следующие приоритеты: жизнь в столице или за рубежом, шикарная машина, собственный дом или апартаменты, собственный бизнес, семья и прекрасные дети» [3, с. 114].

Можно ли каким-либо образом воспрепятствовать укреплению прагматически-меркантилистских установок и идеалов среди современной молодежи? Или следует признать неизбежность и целесообразность принятия подобного инструментально-операционального стиля современной жизни? Безусловно, было бы нелепо бороться с утвердившейся во всем мире тенденцией коммерциализации образования, тем более что очень многие расценивают эту тенденцию как вполне «модернистскую», отвечающую запросам современного информационно-технического общества. Но в то же самое время следовало бы выразить надежду на то, что победа утилитаристских взглядов на образование не окончательна, что еще можно уменьшить риск тотального подчинения образования идеалам полезности, функциональности и продаваемости. Именно в этом направлении мыслит известный немецкий социолог Ральф Дарендорф, который предложил современной молодежи (а также профессиональному

сообществу преподавателей) формулировку новых образовательных принципов, нацеленных на переориентацию существующей системы знания в не-прагматическое русло. В очерке «Набросок обращения к молодежи» Р. Дарендорф попытался разработать новую образовательную политику, нацеленную на то, чтобы привить молодежи не-карьеристское, не-меркантильное отношение к жизни. «Молодые люди должны делать что-то, что имеет значение... Нужно сорвать смирительную рубашку карьеристского мышления и поискать другое мерило успеха. Удовольствие от выполняемой работы – половина его, а другая половина заключается в том, что то, что ты делаешь, должно быть важно» [1, с. 247–248]. Как полагает Р. Дарендорф, современные преподаватели должны пытаться воспитывать молодежь не в карьеристской, а в творческой системе координат, прививая им нематериалистические установки творческой самореализации, развития талантов, стремления получать удовольствие от проделанного труда (все это необязательно должно сопровождаться статусным возвышением и материальным обогащением).

Реальную возможность уменьшить риск тотальной прагматизации образования подтверждают некоторые результаты социологических опросов. Так, в исследовании поведенческих установок молодежи постсоветского периода (проведенного в 2006 г.) российский социолог М. А. Ядова выявила группу «новых молодых», для которых «интересная работа важнее высокооплачиваемой» (однозначное решение фроммовской дилеммы «иметь или быть» в пользу последнего). Выбор стратегии «быть» в среде современной молодежи довольно необычен. Так, по результатам массовых опросов, большинство юношей и девушек ориентируются скорее на материальные, нежели на духовные ценности. Ценности «новых молодых», как правило, больше привлекают девушек (67%), либерально ориентированных (55,6%), хорошо образованных (59,3%) и воспитанных в образованных семьях (70,4%)» [4, с. 81]. «Новые молодые», освобождающиеся от прагматических

приоритетов, это и есть тот фундамент, на котором можно строить обновленную образовательную политику.

Список литературы

1. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерки политики свободы / Р. Дарендорф. – М. : РОССПЭН, 2002. – С. 247–248.
2. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – М. : Мысль, 1999. – С. 12, 42.
3. Лисаускене М. В. Поколение next – прагматичные перфекционисты или романтики потребления / М. В. Лисаускене // Социол. исслед. – 2006. – № 4. – С. 112, 114.
4. Ядова М. А. Поведенческие установки постсоветского поколения / М. А. Ядова // Социол. исслед. – 2006. – № 10. – С. 81.

Резюме

У статті розглядається специфіка критичного підходу щодо проблеми прагматизації сучасної освіти, яку було проаналізовано в межах Франкфуртської школи критичної соціології, а також в соціології постмодерну Ж.-Ф. Ліотара.

Summary

The paper considers peculiarities of a critical approach to the pragmatism problem of modern education that has been analyzed by the Frankfurt school of critical sociology and the postmodern sociology of J.-F. Liotar.